

Священник Игорь Иванов

ВИЗАНТИЙСКАЯ И РУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В ТРУДАХ АКАДЕМИКА Г.А. ОСТРОГОРСКОГО

Статья посвящена некоторым аспектам византийской государственности и их влиянию на становление российской государственности. Особое внимание уделяется изложенной академиком Г.А. Острогорским концепции византийского универсализма, а также проанализированному им византийскому проекту табели о рангах времен царя Федора Алексеевича.

Ключевые слова: Византия, универсализм, симфония властей, Московское царство, царь Федор Алексеевич, Г.А. Острогорский.

Σῶσον Κύριε τὸν λαόν σου καὶ εὐλόγησον τὴν κληρονομίαν σου, νίκας τοῖς Βασιλεύσι κατὰ βαρβάρων δωρούμενος καὶ τὸ σὸν φυλάττων διὰ τοῦ Σταυροῦ σου πολίτευμα.

Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы царям над варварами даруя, и Твое сохраняя крестом Твоим жительство (церк.-слав.).

Спаси, Господи, народ Твой и благослови наследие Твое, победы царям над варварами даруя, и сохраняя Твоим крестом подданных Твоих (рус.).

I

Одним из крупнейших представителей русской эмигрантской науки был византинист, основатель Византологического института в Белграде, академик Г.А. Острогорский (1902–1976). Широко известен во всем мире его труд «История византийского государства». В нем он дал чеканную формулу *византинизма*: «Римская государственность, греческая культура и христианская вера суть

Священник Игорь Иванов — кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского государственного экономического университета и Санкт-Петербургской православной духовной академии (igivan74@mail.ru).

главные источники византийского развития. Без любого из этих трех элементов сущность Византии немислима. Только синтез эллинистической культуры и христианской религии с римской государственной формой позволил возникнуть тому историческому зданию, которое мы обыкновенно называем Византийской империей»¹.

Кроме того, он выделил *византийский универсализм* как один из векторов, определивших динамику развития византийского мира: «Разнородная в этническом отношении Империя держалась вместе благодаря римской государственной идее, а ее положение в окружающем мире определялось римской универсалистской идеей... В качестве наследницы Римской империи Византия желала быть единственной Империей на земле: отсюда выдвигается притязание на обладание всеми землями, которые некогда принадлежали римскому «кругу» (*orbis terrarum*), а теперь представляли собой части христианской «вселенной» (ойкумены). Это притязание мало-помалу опровергалось суровой действительностью; однако государства, которые строились в пределах христианской ойкумены на старой римской территории рядом с римско-византийской Империей, ни в правовом, ни в идеологическом отношении не стояли с ней на одной ступени. Развивается сложная иерархия государств, на вершине которой стоит государь Византии как римский император и глава христианской ойкумены. Борьба за непосредственное господство над «римским миром» (*Orbis Romanus*) в ранневизантийское время и поддержание этой идеологической супрематии в средне- и поздневизантийский период становится стержнем, вокруг которого вращается политика Империи»².

Универсализм стал своего рода точкой слияния двух векторов римской идеи всемирной империи и христианской идеи вселенской Церкви. И христианская идея возвысила и преобразила идею римскую, дав ей весомое основание для существования. Только после крестной победы над «миродержителем тьмы века сего», который искушал Христа в пустыни властью над всеми земными царствами, Христос, явившись апостолам по Воскресении Своем из мертвых, говорит им, что «дана ему всякая власть на земле и на небе», и далее повелевает им идти и учить все народы, «крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа».

Можно сказать, что римская империя, став христианским царством, получила от Христа-Царя не право, а задание — привести к Нему все народы. Отныне и впредь, — с одной стороны — для Христианского Мира стоило невероятных

¹ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. М., 2011. С. 64.

² Там же. С. 65.

усилий сохранение своей идентичности, с другой стороны — таких же усилий требовали и миссионерские задачи — крестная победа над «варварами». Метафизический характер власти императора для византийцев был внятен и очевиден. Именно Христос венчает государя на царство — сюжет с благословляющей десницей Христа над головой царя прослеживается на многих артефактах византийской культуры.

И, несмотря на антиномию «небесного» и «земного» гражданства (*politeuma*)³, именно в *христианском универсализме* обретает свою силу византизм как таковой. Как пишет Г.А. Острогорский: «И все же для Византии характерным было не столько напряжение в отношениях между царством и священством, сколько тесное внутреннее сплочение православного государства и Православной Церкви, создающее единый государственно-церковный организм. Характерным является переплетение интересов обеих властей и их целеустремленное сотрудничество в борьбе против покушений на богоустроенный мировой порядок, предпринимают ли их внутренние или внешние враги императора либо же подрывные силы враждебных Церкви ересей»⁴.

В своей статье «Отношение Церкви и государства в Византии» Г.А. Острогорский так говорит о новом порядке взаимоотношений императора и патриарха, государства и Церкви:

К IX веку «...средневековая византийская Церковь имела только одного руководителя: патриарха Константинопольского, который в той же мере являлся средоточием всей церковной, как император средоточием всей государственной жизни.

В то время, как авторитет Константинопольского патриарха все возрастал, авторитет императора, по мере созревания специфически средневекового мироощущения, как мы уже видели, из церковной сферы все более и более вытеснялся. Решающим моментом при этом был светский характер императорской власти, на который настойчиво указывали уже древнехристианские отцы церкви, особенно же Максим Исповедник. Отсутствие священнического сана заводило церковные притязания главы государства в тупик. Правда, византийский

³ «В “мире сем” христиане оставались странниками и скитальцами, ибо их истинное “гражданство”, *πολίτευμα*, — на небесах (Флп 3, 20)... В мире сем они не имели “постоянного града”, но были гражданами “града будущего”, художник и строитель которого — Сам Бог (Евр 13:14; ср. 11:10)». — *Флоровский Г.В., прот.* Империя и пустыня. Антиномии христианской истории // *Флоровский Г.В., прот.* Догмат и история. М., 1998. С. 257.

Отметим, что *πολίτευμα* может переводиться как: общество, государство, образ правления, граждане, подданные. В церковнославянском переводе — жительство.

⁴ *Острогорский Г.А.* История... С. 68.

василевс известным образом выделялся из числа прочих мирян. Так, в день коронации, после совершенного над ним религиозного обряда венчания (позднее — венчания и помазания), он принимал причастие не с мирянами, но с клиром — в алтаре и из чаши. Он мог входить в алтарь, куда миряне доступа не имели; во время великого входа он имел право нести свечу перед св. дарами, иногда император нес свечу и на малом входе перед евангелием. Но этим и исчерпывались церковные функции василевса. При этом он имел известный церковно-служебный чин, но, как сообщают византийские писатели, всего на всего чин депутата. О высоте этого чина мы обладаем достаточно ясными сведениями. Псевдо-Кодин сообщает список церковно-служебных чинов, состоящий из 45 ступеней: депутат стоит на 44-ом, т.е. предпоследнем месте. Что при таких обстоятельствах император никак не мог почитаться главой церкви, разумеется само собой. Формула «царь и первосвященник» оказывалась абсурдной, объединение этих двух функций в одном лице немислимым. Византийский церковно-государственный организм требовал раздельного возглавления двумя лицами, царем и патриархом.

Такой порядок и установился в средневековой Византии. Наиболее полное выражение он нашел в знаменитом законодательном памятнике конца IX в. — Эпанагоге. Царство и священство здесь определяются по аналогии к человеческому организму, состоящему из тела и души. В ряде выдержанных параллельно параграфов перечисляются обязанности, задачи и права светского и духовного правителя, причем нарочито подчеркивается, что, подобно тому как интерпретация гражданских законов является прерогативой императора, объяснять догматы, учения отцов церкви и постановления соборов призван только патриарх; император же должен лишь охранять существующее православие.

Резюмируются эти рассуждения следующим образом: «Человеческое общество (*жительство*, по выражению славянского перевода) составляется из частей и членов, подобно отдельному человеку. Величайшие и необходимейшие части — царь и патриарх, поэтому душевный и телесный мир и благоденствие подданных зависит от единомыслия и согласия во всем царства и священства» (Epanagoge, tit. III, cap. VIII.). Таково учение о царстве и священства Эпанагоги, официального свода законов могущественнейшей византийской династии. Эпанагога устанавливает равенство между главой светской и духовной власти, независимое друг от друга, но параллельное и солидарное их действие. Ни государство церкви, ни церковь государству не подчинены»⁵.

⁵Острогорский Г.А. Отношение Церкви и государства в Византии // Seminarium Kondakovianum IV, 1931. С. 127–128.

Далее Г.А. Острогорский рассматривает тот идеальный порядок союза Церкви и государства, который, будучи одним из существенных элементов византизма, воодушевлял церковную и государственную элиты в течение многих столетий:

«Важно, что с IX–X века между верховной светской и духовной властью фактически устанавливается некий параллелизм, охватывающий наимельчайшие подробности. Государственному централизму соответствует централизм церковного строя и управления в константинопольской епархии. Как при императоре существует сенат, так при патриархе — синод, давно уже ставший постоянным учреждением. Как императору, так и патриарху подчинен целый ряд канцелярий и чиновников, при помощи коих патриарх управляет своей епархией, и которые частично носят те же титулы, что чиновники императорские. Наконец, патриарх имеет свой двор, во всем подобный императорскому.

Этот параллелизм, это уравнение верховной светской и духовной власти никоим образом не означало отделения церковной сферы от государственной. Подобная идея была совершенно чужда Византии. Напротив, идеалом Византии был тесный и нерушимый союз между царством и священством, соединение и слияние православного государства с православной церковью под водительством православных императора и патриарха константинопольских. Этот идеал в значительной мере и осуществлялся жизнью, хотя и не без перебоев. Церковное значение императора заключалось, конечно, не в тех пустяковых церковных функциях, которые он, как мы видели, мог отправлять при богослужении, и не в том давлении, которое он мог от времени до времени оказывать на церковные дела, вообще не в том, что он делал в самой церкви, а в том, что, стоя вовне, он, как православный государь, являлся общепризнанным защитником церкви, и что эта миссия была возложена на него самим Всевышним, поскольку власть его от Бога.

Император является защитником церкви, а патриарх советником императора. Сотрудничество же византийских церкви и государства, сотрудничество тесное и постоянное, диктовалось прямыми интересами обеих сторон. Государство преследовало еретиков как государственных преступников, а церковь анафематствовала бунтовщиков. Того, кто противился православному государю, церковь карала отлучением; того, кто не подчинялся православной церкви, отвергало и государство»⁶.

⁶Там же. С. 130–131.

Итак, византийский универсализм был «становым хребтом» всего средневекового христианского мира. Самим фактом своего существования Византия являла христианскому миру идеальный образ сосуществования государств в рамках иерархического содружества. По выражению Г.А. Острогорского «император и всемогущий правитель римлян был правителем всего мира и хранителем и защитником христианской веры, потому что он — единственный законный император на земле, будучи Помазанником Божиим и преемником римских императоров. Идея, что может быть только одна единственная законная империя, является основным принципом, альфой и омегой всех византийских политических доктрин. Не только византийцам, но и всем тем, кто жил в Средние века, это казалось столь же естественным и бесспорным, как и то, что могла быть только одна истинная христианская Церковь»⁷.

Но в то же время этот же самый факт земного «формата» византийского царства при смешении идеологии и геополитики становился предлогом к оспариванию универсалистского статуса Византии со стороны «квази-империй», которые со времен Карла Великого (первым создавшего таковой прецедент), стали множиться среди христианских государств. Так правитель Болгарии Симеон (893–927), который был с детства воспитан в Византии (его византийцы называли «полугреком»), был также абсолютно убежден, что может существовать только одна единственная империя — универсальная Римская империя. Но с одной лишь разницей — центром этой империи должна стать Болгария. Симеон претендовал на титул «василевс римлян» или, по крайней мере, на титул «василевс римлян и болгар». Подобно ему сербский царь Стефан Душан (1331–55) также жил в византийском идейном пространстве, и его политические взгляды были также основаны на теории единственной мировой империи. Именно поэтому он захотел заменить старую Византийскую Империю своей собственной греко-сербской империей. Он также был недоволен титулом «императора сербов», желая именоваться «императором сербом и римлян». Характерна и обратная ситуация — умаление значения византийского императорского титула до титула «императора греков» в письме папы Иоанна XIII к Никифору II Фоке (963–969), в котором папа отзывался о германском правителе Оттоне I как об «августейшем императоре римлян»⁸.

⁷ *Ostrogorsky G. The Byzantine Emperor and the Hierarchical World // Slavonic and East European Review. 1956, Dec. Vol. 35. No. 84. P. 3.*

⁸ *Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о поездке в Константинополь. М., 2006. С. 140–141.*

Особой «девальвации» византийский универсализм подвергся после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 году, когда на землях Византии и византийского содружества начался «парад имперских суверенитетов». Именно в начале XIII века появляется «царская терминология» в памятниках Галицко-Волынской Руси. Например, Роман Мстиславович именовался «цесарь в Руской земли» и «самодержец всея Руси»⁹. Как отмечает А.В. Майоров, «князья же прочих русских земель, напротив, уклонялись от использования подобного титула. С установлением власти татар царский титул как обозначение верховного правителя переносится на ханов Орды»¹⁰.

Здесь следует пояснить, что согласно титулярным разрядам византийской дипломатической таблицы о рангах русские князья традиционно именовались «архонтами», они были суверенными правителями на своих территориях. Как отмечает Г.А. Острогорский, «средневековый мир образует сложную иерархически построенную государственную систему, которая не вписывается в схематическое деление на суверенные государства, с одной стороны, и на вассальные — с другой. Он знает возможность идеального подчинения при сохранении полной государственно-политической независимости. Идеальное подчинение не равносильно политической зависимости, и наоборот, политическая независимость далеко не всегда имеет некое соответствующее идеальное сопоставление. И пока мы не уясним это, нам трудно будет достичь понимания государственной структуры средневековья. Политически Русь не зависела от Византии, однако, в идеальной модели византийской империи это соотношение выражалось иначе. Руси была уделена незначительная «степень» в иерархии государств, вершину которой венчала византийская империя.

Для пояснения этого принципа приведем отрывок из письма Константинопольского патриарха Антония великому князю Московскому Василию I, который запретил церковное поминование византийского императора своему митрополиту, объясняя это тем, что у нас есть Церковь, но нет царя: «Это невозможно, — писал патриарх, — христианам иметь Церковь и не иметь Императора. Ибо Империя и Церковь составляют крепкое единство и общность, и невозможно отделить одно от другого. Христиане отвергают только императоров, бывших еретиками, неистовствовавших против Церкви и навязывавших извращенные догматы, чуждые учению святых апостолов и святых отцов. Наилучший и священный мой самодержец, милостью Божьей, есть правовернейший и наи-

⁹Майоров А.В. Русь, Византия и Западная Европа. СПб., 2011. С. 582.

¹⁰Там же. С. 586.

преданнейший поборник Церкви и защитник, и мститель, и невозможно представить то, что архиерей не поминает его. Слушай же, что говорит в первом из соборных посланий Петр, глава апостолов: «Бойтесь Бога, чтите императора». Он сказал не «императоров», чтобы кто-нибудь не подумал, что императорами называются здесь и там среди народов, но «императора», показывая, что Вселенский император есть один»¹¹.

Таким образом, в средневековом русском политическом пространстве параллельно существовали три модели отношений: 1. Идеальное подчинение византийскому императору как главе христианского мира; 2. Фискально-вассальное подчинение татарскому «царю» как главе Орды (отметим, что Орда как бы заняла «царскую» лауну именно тогда, когда казалось, что византийское царство погибло (середина XIII века)); 3. Внутренняя номенклатура суверенитета и подчинения в рамках великого княжения Руси.

Соответственно, после падения Константинополя в 1453 году и после постепенного свержения власти Орды в XIV–XVI веках, у Московских правителей (а именно, начиная с Ивана III) осталась только последняя модель — и из нее стала вырастать идея *нового* «православного самодержавного царства», идея нового или Третьего Рима. При этом взятие Казани в 1552 году еще более подтвердило и обосновало *новый* — царский — статус власти Ивана IV Грозного (принятый в 1547 году).

Вот, что пишет о преемственности византизма в России Г.А. Острогорский: «Византия пала в 1453 г., но ее духовные и политические традиции продолжали жить и действовать как на старой византийской почве, так и за пределами бывших границ Империи, оплодотворяя государственную и культурную жизнь европейских народов. Христианская религия в ее специфической греческой форме как воплощение византийского духа и одновременно альтернатива римскому католицизму осталась для греков, а также для южных и восточных славян наиболее заветной святыней. В столетия турецкого владычества православная вера стала для греков и южных славян выражением их духовного и этнического своеобразия, она сохранила балканские народы от растворения в турецком потоке и тем самым сделала возможным национально-государственное возрождение.

Православие стало также духовным знаменем, под которым было проведено объединение русских земель, а Московское государство достигло поло-

¹¹*Ostrogorsky G. Die byzantinische Staatenhierarchie // Seminarium Kondakovianum. 1931. IV. S. 41–42.*

жения великой державы. Вскоре после падения византийской и славянских держав Москва окончательно стряхнула с себя татарское иго и стала в качестве единственной независимой православной державы естественным центром православного мира.

Иван III, великий объединитель и освободитель русских земель, женился на дочери деспота Фомы Палеолога, племяннице последнего императора Византии. Он принял в качестве герба византийского двуглавого орла, ввел в Москве византийские обычаи, и вскоре России досталась ведущая роль на христианском Востоке, которую прежде исполняла Византийская империя. Если Константинополь был Новым Римом, то Москва стала «Третьим Римом». Духовное наследие Византии, ее вера, ее политические идеи и духовные идеалы столетиями продолжали жить в русском царстве»¹².

II

Целый ряд статей Г.А. Острогорского прямо или косвенно затрагивает специфику рецепции византизма русской политической элитой: *Les décisions du Stoglav au sujet de la peinture d'images et les principes de l'iconographie byzantine* [Решения Стоглава по вопросам иконописания и принципы византийской иконографии] // *Receuil Th. Uspenskij* 1, 1930. P. 393–411; *Das Projekt einer Rangtabelle aus der Zeit des Caren Fedor Alekseevič* [Проект «Табели о рангах» во времена царя Федора Алексеевича] // *Jahrbuch für Kultur und Geschichte des Slaven*. 1933. 9. S. 86–138; Владимир Святой и Византия // *Владимирский сборник*. Београд, 1939. С. 31–40; *L'expédition du prince Oleg contre Constantinople en 907* [Поход князя Олега на Царьград в 907 г.] // *Seminarium Kondakovianum*. 1940. XI. P. 47–62; *The Byzantine Emperor and the Hierarchical World Order* [Византийский император и иерархический порядок мира] // *The Slavonic and East European Review*. 1956/57. 35. P. 1–14; Византия и киевская княгиня Ольга // *To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his seventieth Birthday*. The Hague, Paris, 1967. P. 1458–1473.

Среди них особо выделяется одна статья, посвященная «византийскому проекту», проводимому первыми царями из династии Романовых. Это статья — «Проект «Табели о рангах» во времена царя Фёдора Алексеевича». Написана она была по-немецки и издана в немецком научном издании — в ежегоднике «Культура и история славян» («*Jahrbuch für Kultur und Geschichte des Slaven*»). Острогорский при этом сам перевел весь текст документа на немецкий язык. Здесь нужно пояснить, что в течение пяти лет (1928–1933 гг.) Г.А. Острогор-

¹²Острогорский Г.А. История... С. 683.

ский преподавал византийскую историю в Бреслау (Бреславль или Вроцлав в Силезии) и был директором культурно-исторического отделения Бреславского восточноевропейского института (Ost-Europa Institut). В 1933 году, после прихода к власти А. Гитлера, Острогорский покидает Германию, получив приглашение на кафедру византологии философского факультета в Белградском университете. С тех пор его жизнь и труды были целиком посвящены развитию византиноведения в Югославии¹³.

При написании своей статьи про византийский проект царя Федора Г.А. Острогорский опирался на источник, который дважды был опубликован в 1850 году: «Проект устава о служебном старшинстве бояр, окольных и думных людей по тридцати четырем степеням, составленный при царе Феодоре Алексеевиче / сообщ. кн. М.А. Оболенским». Москва: Тип. Александра Семена, 1850. IV, 18 с. и «Проект устава о служебном старшинстве бояр, окольных и думных людей по тридцати четырем степеням, составленный при царе Феодоре Алексеевиче / сообщ. кн. М.А. Оболенским» // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 1. Отд. 2. М., 1850. С. 20–40.

Прежде чем, говорить о проявлениях византизма в этом тексте, нужно несколько слов сказать о предпосылках и условиях появления такого документа. Вот, что отмечает по этому поводу Б.А. Успенский: «В 1589 году с учреждением патриаршества Московское царство получило ту же церковно-государственную структуру, что и в Византийской империи: патриаршество и царство. А спустя полвека ориентация Алексея Михайловича на византийского василевса проявляется в целом ряде аспектов.

1. Алексей Михайлович выписывает из Константинополя яблоко и диадему, сделанные «против образца благочестивого греческого царя Константина».
2. При Алексее Михайловиче царя начинают титуловать святым, как это было принято в Византии. До этого так могли называть русского царя или великого князя только греческие иерархи, но не сами русские.
3. Византинизация царской власти обуславливает и изменение чина венчания на царство, который приближался к византийскому. А уже со времен Федора Алексеевича (1676 г.) царь при венчании причащается в алтаре

¹³ *Иванов И.А.* Академик Г.А. Острогорский (библиографический очерк) С. 151–189 // *Иванов И.А.* Византия как предмет исследования в русской и зарубежной социально-исторической мысли XX века (монография). СПб.: СПбГИЭУ, 2012. С. 158–159.

по священническому чину, как это делали византийские императоры. Как подражание византийским императорам может быть рассмотрено и издание Уложения (1649 г.), т.е. официальное введение нового свода законов.

4. К тому же проекту византизации можно отнести и создание Славяно-греко-латинской Академии»¹⁴.

Г.А. Острогорский так пишет об этом: «Устав запланированной при Федоре Московской академии говорит очень убедительно о желании царя следовать благочестивым греческим императорам Константину, Феодосию и Юстиниану, и хотя в этой академии должны были изучать наряду со славянским греческий, латинский и польский языки, именно византийский дух чувствуется в каждой строке этого устава»¹⁵. В своей статье Острогорский также приводит указание проф. Росса на тот факт, что при царе Федоре Алексеевиче существовало даже намерение перевести на русский язык Свод гражданских законов Юстиниана — *Corpus Juris Civilis*.

В течение 35 лет — при царях Алексее и Федоре — в Москве реализовывался «византийский проект». Как подчеркивал Б.А. Успенский, «...византизация царской власти при Алексее Михайловиче обуславливает византизацию всей русской жизни. Москва должна была стать не только политическим, но и культурным центром всего православного мира»¹⁶. Иными словами — осуществить идеал *православного универсализма*. В допетровской России эти два царствования — Алексея Михайловича и Федора Алексеевича — стали временем окончательного оформления целостного комплекса дворцовых церемоний, ставших той формой, в которую облекалась самодержавная монархия первых Романовых. Дворцовые церемонии выполняли ряд важных задач политического характера, имели значение не только для царского двора, но и государства в целом. Церемонии формировали и поддерживали в народе образ идеального православного государя, своей масштабностью и пышностью повышали авторитет царской власти в глазах соотечественников и иностранцев. Особенностью церемоний допетровской России было отсутствие их разделения на церковные и светские. Практически каждая из них включала в себя и духовные, и мирские

¹⁴Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVIII). Мюнхен, 1987. С. 278–279.

¹⁵Ostrogorsky G. Das Projekt einer Rangtabelle aus der Zeit des Zaren Fedor Alekseevič // Jahrbuch für Kultur und Geschichte des Slaven. 1933. 9. S. 133.

¹⁶Успенский Б.А. История... С. 279.

элементы, строилась на равенстве ритуальных действий, производимых представителями светской власти и лицами духовного звания. В таковой своей целостности дворцовые ритуалы символизировали единение государства и Церкви.

Идеологической скрепой с византизмом было утверждение преемства царской власти от ромейских василевсов. Так «Чин поставления на царство царя... Алексея Михайловича» впервые относит время преемственности царского венца от «греческих» царей к периоду Владимира Мономаха. Но сама формула наследования российских самодержцев византийским императорам окончательно утверждается в «Чине поставления на царство... Федора Алексеевича». При этом оба чина особо останавливаются на том, что Владимир Всеволодович «превысочайшую честь и царский венец и диадиму от греческаго царя Константина Мономаха восприим: сего ради и Мономах наречеса, от него же вси великие государи царствия венцем венчавхуся».¹⁷ Более того, стремление «удревнить» и тем самым еще более возвысить царскую династию выразилось в том, что официальная идеология XVII в. развивала ранее существовавшую идею о принятии власти первым русским князем Рюриком от римского императора Августа.

Для большей отчетливости выделим элементы византизма *курсивом* в цитате из «Чина поставления на царство царя Федора Алексеевича» (см.: Полное собрание законов Российской империи" (ПСЗ; Т. 2. СПб., 1830, № 648)¹⁸:

«...блаженныя памяти, благочестивый и христоролюбивый, наипаче же во царех пресветлейший и благочестием во всей вселенней сиявший великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец, его царское величество, прелюбезнейший вашего царскаго величества отец, приим Российское царство и вся принадлежащая к нему государства и земли от отца своего государева, а вашего царскаго величества от деда, блаженныя памяти великаго государя, царя и великаго князя Михаила Феодоровича, всея России самодержца, и царским венцем и диадимою, еже есть святыми бармами, от руки богомольца своего, святейшаго кир Иосифа патриарха Московскаго и всея России венчался, и скиптр великаго и преславнаго Московскаго государства и всех великих государств Российскаго

¹⁷Чин поставления на царство царя Федора Алексеевича. 1676 год // Сайт «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35639.php> (дата обращения: 21.12.2012.)

¹⁸См. там же.

царствия восприял, и своим царским бодроопасным и храбрым содержательством, во всем своем великом Российском царствии крепце соблюде, и многая государства и земли мечем и милостию своею государскою в подданство приведе, и все православное христианство в покое, и тишине, и в благоденствии, тихо и немятежно строя, и всеми благими на вселенней цветяше, и во всех великих окрестных государствах у государей славно и страшно бысть имя его, и все окрестные великие государи с ним, великим государем, с его царским величеством в дружбе и в любви быти желалаху. И тако, за Божиею помощию, прелюбезнейший отец ваш царскаго величества, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всяя Великия и Малыя и Белья России самодержец, правяше скипетродержавством своим царским 30 лет и 6 месяцев и 18 дней. Егда же изволением всемогущаго Бога приблизися его государскаго живота кончина, тогда он, великий государь наш, вас, великаго государя нашего, своего царскаго сына, царя и великаго князя Феодора Алексеевича всяя Великия и Малыя и Белья России самодержца, благословил царством и великим княжеством Московским, Киевским, Владимирским, Новгородским, и царствы Казанским, Астраханским, Сибирским и иными всеми царствы и государства, с принадлежащими землями, хоругви правления скипетра всяя Великия и Малыя и Белья России благословил, и царство вручил».

Далее читаем:

«...А ныне приспе время тебе, великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичу всяя Великия и Малыя и Белья России самодержцу, на царство и на великия княжения Московское, Киевское, Владимирское, Новгородское, и на царства Казанское, Астраханское, и Сибирское и на вся великия и преславныя государства Российскаго царствия венчатися царским венцем и диадимом, еже есть святыми бармами, и святым великим миром помазатися по древнему вашему царскому чину; и то ваше царскаго величества царским венцем венчание будет всем Российскаго царствия православным христианом, всякаго чина и народа, на радость и во умножение во вся окрестныя христианския государства славы, на страх же и трепет бусурманскому имени».

Если обратиться к самому «византийскому проекту» царя Федора Алексеевича, то мы увидим определенный параллелизм с приведенным выше текстом, что еще раз наглядно подчеркивает, что Преамбула к «табели о рангах» представляет собой весьма значимый идеологический и символический текст. Поэтому приведем его полностью (также курсивом выделены ключевые места)¹⁹:

«Царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, имелась, которая пресветлая царская красота имеет христианскую непреоборимую всегда силу, и тогож Трисиятелнаго Бога нашего милостию восприяли прародителский российский царств и государств престол и самодержавный скиптр во отмщение злодеем, в похвалу ж добродеем, мы великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, *со многими покаряющимися государстваы дедичнаго наследства в облаадателства мирно, и тая ж его божественная благодать действует и освящает заблуждьших в вере розные народы Честным и Животворящим Крестом Христовым* и наставляет благоразумию, и великая Росия от года в год прославляетца, о чем мы великий государь свыше Божия его благодати ожидаем ко благому упованию для того, что *от древних несколькох сот лет на великих и преславных государствах Росийскаго царствия были великие государи прародители наши от рода Августа кесаря, обладавашаго всею вселенною и от сродников его от великаго князя Рюрика, от великаго князя Владимира Святославича, от великого государя и великаго князя Владимира ж Всеволодича Манамаха, от грек высокодостойнейшую украшением главы честь восприимшаго*, даже и до великаго государя повсюду хвалам превысокаго, отца вашего государева, блаженные памяти великаго государя праведнаго, в милости и истине и во храбрости славно возсиявшаго и великостолнейшаго и неизчетным хвалам достойнаго, *греческою вознесенною славою и честию в наследие от рода в роды Богом венчаннаго*: и того ради сию книгу

¹⁹Проект устава о служебном старшинстве бояр, окольных и думных людей по тридцати четырем степеням, составленный при царе Феодоре Алексеевиче / сообщ. кн. М.А. Оболенским // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 1. Отд. 2. М., 1850. С. 20–21.

сочинити мы великий государь повелели, понеже всяка вещь писанием содержитца и знаема суть, якоже свыше премудростию научен Моисей и оставил нам имети в книгах; и аще бы древняго бытия в писании не имели, тоб славные и дивные вещи презрены были и долгота б времени текущаго аки тма покрыла и в неведение привела. Сегож ради мы великий государь, не восхоте(в) славных и дивных вещей предати неведению, указали те государств наших чины писанию предати и в предъидущие роды блюсти. А что во предисловии сем воспомянулось о чинех государств наших, и то писано имянно, по степеням».

В целом ряде степеней «Табели о рангах» царя Федора Алексеевича находят византийские аналоги. Приведем их.

Византийские аналоги в проекте

1-я степень

Болярин, а с ним нашего ж царского величества боляр и думных людей дванадесать лиц; гречески ж именяуетца той болярин *δομέστικός θεμάτων*, сиречь предстатель и рассмотритель над всеми судиями царствующаго града Москвы, или *дикоофилакс* (δικαιοφύλαξ). И тии все дванадесать заседателей в нашей царского величества к тому устроенной *Полате* должны всегда пребывати и испытно ведати, чтоб всякий судья исполнял нашего царского величества повеление и грацкой суд праведно и разсудительно; ащелиб кого неповинно осудили, и той болярин с товарищи своими должен того дела рассмотреть и беспомощнаго избавити от неправды по правде его от руки силнаго; а судии чинить указ смотря по его вине, дабы всяк неправдою обидимый избавлялся их прилежным в Полате рассмотрением и никто б обидим силою не был.

2-я степень

Болярин и дворовой воевода, гречески ж именяуетца *севастократор* (σεβαστοκράτωρ) или *критис ту фусат* κριτής του φοσάτου. Егда мы великий государь наше царское величество изволим мстити обиды государств своих и итти на неприятеля своего сами, я тогда он должен, будучи при нашей государственной милости в близости, остерегати со всяким усердием и неусыпным промышлением в начале наше государственное здравие, а потом о всяких воинских околичностях, сиречь смету ратем и устройство и приуготовление оружия и всяких хлебных и воинских запасов, и обидимых избавляти от руки силнаго и даяти всякому воину

здравое о всем разсуждение и о недостаточных во изобилстве попечение, чтоб всякой воин был в призрении и всякое ратное опасение при помощи Божии, соблюдалось за его непрестанным дозрением, и в обозное укрепление устроить дозирателей достойных и искусных в ратех и ведущих искусства розных государств рати. Еще же достоять ему быти милостиву, кротку, терпеливу.

8-я степень

Болярин над пехотою, гречески ж Ὁ μέγας στρατολεδάρχης. Должность имеет что ему строить пехотные полки со всяким ратным устройением, собирать и роздавати им наше государское жалованье, денги и хлеб, и во всем к ним имети непрестанное радение, чтоб они были во всяком изобилстве и на всяк час были готовы на нашу государскую службу.

9-я степень

Болярин над конною ратию, гречески ж στρατολεδάρχης τῶν μονοκαβαλλῶν. Должность имеет ведати колико которого чина конных ратей и где и в какой готовности и что на денежном нашем государском жалованье, и что с поместей и вотчин служат, и которые по чередѣ должны где в нужных случаях быть на нашей государской службе, чтоб никто ни перед кем отягчен не был.

10-я степень

Болярин и дворецкой, гречески ж Ὁ μέγας δομέστικος. Должность имеет всегда предстояти нашей государской трапезе и приуготавливати потребная и рассмотреть дворовыя чины, кому где и в каком поведении быти достойно и во всяких поведениях дворовых остерегательну; также всякие наши государские дворовые обиходы приуготавливати со всяким доволством; он же должен во время посолских приездов в полатах чины устроить.

30-я степень

Кравчей Спетер, гречески ж κουροπαλατής. По нашей государской милости в наших царских полатах имеет место свое между бояр и околничих; а когда по нашему государскому чину бывают у стола бояре и околничие и думные люди и розных государств послы, и тогда в тех наших государских чинех предстоит у нашего государского стола и устрояет по нашему государскому чину и неотступно пребывает пред лицом нашего царского величества

31-я степень

Началник над чашники, гречески ж ἐλικέρνης. По нашему государскому указу содержит в себе тот чин: когда у нашего царского величества бывают столы для послов великих или на бояр и околничих и думных людей, и тогда в тех наших государских чинех сидит на уготованном ему месте и наряжает фряские вина по нашему государскому чину и приходит пред лице нашего царского величества, чашники ж последствуют ему и подают в кубках золотых фряские вина, кому мы великий государь пожалуем, а потом меды красные и белые в ковшах золотых и серебряных, в которое время что по чину нашему государскому подать достойно, и, подав, отходит на уготованное ему место.

33-я степень

Постелничей, гречески ж протоβεστιάρης *протовестиарий*, сиречь первой нашего царского величества казне хранитель, понеже имеет в своем хранении нашего царского величества одежды и всякие многоценные вещи, елико нашему царскому величеству потребно, и всегда он пребывает при нашем царском величестве в близости неотступно.

Итак, мы видим, что в проекте упоминается 10 византийских должностей: δομέστικός θεμάτων, δικαιοφύλαξ, σεβαστοκράτωρ, κριτής του φοσσάτου, ὁ μέγας στρατοπεδάρχης, στρατοπεδάρχης των μονοκαβαλλων, ὁ μέγας δομέστικός, κουροπαλατής, ἐλικέρνης, протоβεστιάρης. По этому поводу Г.А. Острогорский делает такое замечание: «Однако, весьма характерно то, что для запланированного царем внедрения в русский разрядник византийских титулов не было каких-либо практических целей, — оно диктовалось исключительно желанием царя имитировать византийский двор согласно формулярам византийского придворного штата»²⁰.

Более того, Острогорский отмечает, что из известных науке византийских «табелей о рангах» или как их называли «тактиконах», русские составители Проекта опирались, скорее всего, на поздневизантийский «Тактикон Псевдо-Кодина» (XIV век) — 9 из 10 византийских титулатур, имеющих в русском Проекте, встречаются у Псевдо-Кодина²¹.

²⁰ Ostrogorsky G. Das Projekt einer Rangtabelle... S. 133.

²¹ Ibidem. S. 135.

Рассмотрим специфику этих 10 византийских должностей:

Δομέστικος θεμάτων — главнокомандующий фемными войсками.

Δικαιοφύλαξ — младший судейский чин. С середины XI века даровался императором мирянам и клирикам как в столице, так и в провинции. Со времени Михаила VIII (1261–1282) значение этой должности увеличилось, но дикеофилаксы сохранились лишь в провинции.

Σεβαστοκράτωρ — должность введена Алексеем I Комнином (1123–1142) для ближайших родственников императора. Первоначально был главным титулом после императорского, но в XIII веке уступил место титулу деспота.

Κριτής του φοσσάτου — войсковой судья.

Ὁ μέγας στρατολεδάρχης — в IX–XII веках — звание главнокомандующего, с XIII века — главный интендант империи.

Στρατολεδάρχης τῶν μονοκαβαλλῶν — главнокомандующий кавалерийскими частями, главный кавалерийский интендант.

Ὁ μέγας δομέστικος — с X века — главнокомандующий.

Κουροπαλατής (curpalatus) — «попечитель дворца»; один из первых по значению титулов в византийской империи, который обычно жаловался ближайшим родственникам императора и высокопоставленным иностранцам. К концу XI века титул куропалата потерял значение должности и занимал место после титулов кесаря, севаста и новелиссима, а в XII веке вышел из употребления.

Ἐλικέρνης — кравчий. Должность исполнялась обычно евнухами. С XIII века стала почетным придворным титулом для высшей военной знати и занимала 14-е место в табели о рангах.

Πρωτοβεστιάρης — начальник императорской гардеробной из числа евнухов. Мог сопровождать императора в походах и командовать войсками. С середины XIV века эта должность занимает 6-е место в табели о рангах.

Если сопоставить некоторые эти должности с русскими аналогами, то мы увидим ряд несоответствий: Доместик феметом (δομέστικος θεμάτων) в русской табели — более судебная должность, нежели армейская. Титул куропалата в русской табели сильно девальвирован. Протовестиарий в византийской табели высокий придворный титул, а в русской — низкий.

Г.А. Острогорский так это объясняет: «авторы нашего проекта при применении византийских титулов для русских разрядов мало заботились о степени их соответствия друг другу. Исходя из функциональной составляющей титула, им в одних случаях удавалось согласовать эти аналоги, а в других — не вполне. Кроме того, нужно учитывать и то, что на тот момент византийское государство уже двести лет, как прекратило свое существование, в силу чего у авторов

нашего проекта не было непосредственного примера современных им учреждений византийского государства. Уже тогда византийский мир принадлежал истории»²².

Конечно, «византийский проект» царя Федора Алексеевича по оформлению русского царства согласно византийскому образцу был весьма симптоматичным для идеологической и культурной установки Москвы XVII века, но он оказался неосуществленным по ряду причин. Можно сказать, что идеологически он был своевременным, но технически он был уже не современным. Именно поэтому он был воспринят Петром как идейная платформа для его «Табели о рангах», но осуществлен по примеру знакомых и современных Петру немецких придворных «табелей».

Некой проекцией взаимовлияния этих двух культурных векторов — провизантийского и про-западного — станут споры «западников» и «славянофилов», а также сложный «восточный вопрос». В динамике развития этих векторов в императорской России XVIII–XIX веков византинизация «русской государственной идеи» весьма неоднозначно сочеталась с вестернизацией и секуляризацией, но все же она не исчезала с идейного горизонта сторонников русско-византийского синтеза.

Источники и литература

1. *Иванов И.А.* Академик Г.А. Острогорский (биобиблиографический очерк) С. 151–189 // *И.А. Иванов.* Византия как предмет исследования в русской и зарубежной социально-исторической мысли XX века (монография). СПб.: СПбГИЭУ, 2012. 268 с.
2. *Майоров А.В.* Русь, Византия и Западная Европа. СПб., 2011. 798 с.
3. *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. М., 2011. 895 с.
4. *Острогорский Г.А.* Отношение Церкви и государства в Византии // *Seminarium Kondakovianum.* 1931. IV. S. 119–134.
5. Проект устава о служебном старшинстве бояр, окольных и думных людей по тридцати четырем степеням, составленный при царе Феодоре Алексеевиче / сообщ. кн. М.А. Оболенским // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 1. Отд. 2. М., 1850. С. 20–40.
6. *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVIII). Мюнхен, 1987.

²²Там же. С. 138.

7. *Ostrogorsky G.* Das Projekt einer Rangtabelle aus der Zeit des Zaren Fedor Alekseevič. [Проект «Табели о рангах» во времена царя Федора Алексеевича] // *Jahrbuch für Kultur und Geschichte des Slaven.* 1933. 9. S. 86–138.
8. *Ostrogorsky G.* Die byzantinische Staatenhierarchie. [Государственная иерархия в Византии] // *Seminarium Kondakovianum.* 1936. VIII. S. 41–61.
9. *Ostrogorsky G.* The Byzantine Emperor and the Hierarchical World // *Slavonic and East European Review.* 1956, Dec. Vol. 35. No. 84. P. 1–14.